

Поэма Н.Клюева «Погорельщина». Проблематика и поэтика

«Погорельщина» написана в 1928г.

Поэтический мир «Погорельщины» включает несколько взаимопроникающих временных пластов. Здесь контрастно обозначено время дотрагическое, затем трагическое, и, наконец, те дали, объединяющие запредельное прошлое и запредельное будущее, которые можно определить как чаемые. Россия в поэме «Погорельщина» - живая и всевременно страдающая, погорелая - пребывает на крайнем ритмическом спаде космического и исторического витка, когда движение замедлено до неподвижности и состояние ее близко к состоянию преждевременной клинической смерти.

Эпические масштабы приобретает звучание поэмы с самого начала. Универсальная многомерность в воссоздании как бы доисторического, изначально благодатного мира проявляются в описании деревни Сиговый Лоб. В разные времена года и в любой сезон здесь «порато баско» (весьма красиво). Повествование отличается утонченной музыкальностью.

Явь и сон, мир вымышленный и реальный взаимопроникают. Власть зла в реальной жизни предшествует его победа во сне. Здесь уже не может быть и речи о стилизации или тем более о фольклорных заимствованиях. Сказочные элементы органически включаются в оригинальный строй поэмы. Как и в древнем эпосе, смешиваются реальное и мифологическое, предчувствие и событие, сон и явь, поступок и его сказочная версия:

«На бабьих шеях, люто злы,
Шипят змеиные узлы.
Повсюду посвисты и жала,
И на погосте кровью алой
Заплакал глиняный Христос...»

Образы дракона, змеи, удава традиционно означали мощные злые силы. Вмешательство злых сил разрушает гармонию бытия, причем разрушению подвергается и прикладное искусство. Поэтическое сказочное повествование и авторский обобщающий голос почти что сливаются, как будто взаимопроникают мир искусства и мир пошатнувшегося бытия:

«Не стало кружевницы Прони...
С коклюшек ускакали кони,
Лишь златогривый горбунок
За печкой выискал клубок.
Его брыкает в суеменки...
А в горнице по самогонке
Тальянка гиблая орет-
Хозяев новый обиход».

Авторские оценки отчетливо проявляются в употреблении эмоционально окрашенных слов, в контрастном противопоставлении сокровищно богатого мира сиротски скудному его антиподу. Взор лирического лица устремлен объять всю «нерукотворную Россию», с ее чарующей душу красотой, столь властно внушающую молитвенное преклонение, что никакие беды и уродства не могут погасить пылающей в сердце любви:

«Оледенелыми губами
Над росомашьими тропами
Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молюсь!»

Многоступенчатые метафоры рисуют два мира в едином внутреннем переживании, и через это переживание социальный и природный планы сливаются в одном действе. Умирают люди... Уцелевшие превращены в «человечий сброд». Орбиты движения людей и солнца одинаково смещены, путь одинаково неровен. Великий Сиговый Лоб погибает как живой рыбий организм, вспомнив о своем происхождении, закодированном в топонимике, мучается перед смертью, «сдирая чешую и плавни!..».

Художественная ткань поэмы вбирает в себя жанровые элементы фольклорных конструкций, литературной поэмы начала XIX века, пейзажной, патриотической, древнерусской литературы, западного, восточного и русского эпоса. Все слагаемые подчинены единой власти оригинального творческого духа, создавшего произведение удивительного и по сути беспрецедентного жанра. В поэме «Погорельщина» образы Чирина, Парамшина, Андрея Рублева служат своеобразным оплотом избяного космоса, старой деревни, которую грозит опустошить змей. Исчезновение с иконы образа Георгия Победоносца — свидетельство неминуемой катастрофы.

«На божнице змий да сине море...».

Жители Сиговца станут жертвами чудовища, морские волны поглотят последний оплот старого народного, родного поэту крестьянского мира, живущего по своим древним тысячелетним законам.

Последняя молитва жителей этого сказочного мира — мольба о возвращении Егория, обращенная к Святому Николаю, к Богородице-Приснодеве, перед иконами гениальных русских мастеров, воплотивших разные лики Богородицы, исполнена силы, поистине трагической. Герои «Погорельщины» — мужики-богомазы под руководством лучшего из них — иконописца Павла — пишут образы красками, ни одна из которых не названа своим именем. Как некогда в стихах Клюева совершалось «Рождество избы», рождение избыного космоса под рукой «Красного Древодела», так теперь совершается «Рождество Иконы», оставляя при этом ощущение нерукотворности. Сама природа помогает иконописцам в их работе, отдавая свои лучшие краски образу, который перестает восприниматься, как собственно искусство художника. «Божественный промысел» вбирает в себя все богатство и разнообразие мира внешнего, природного, зримого.

В 1931 году поэт переехал в Москву, а еще через три года был арестован и сослан в Нарымский край. Поводом для репрессии стало чтение крамольной поэмы: «Я сгорел на своей «Погорельщине». «Погорельщина» (28 г.) — вершина творчества.

Сила мифотворчества.

Русь погорелая. Главное — погорели духовные ценности; символ Руси — поморская деревня, она захвачена змием. Но действие происходит в 1919 году → появляется образ Настеньки Романовой.

Финал → возникает новый прекрасный город Лидда (библейский город; беглая Индия) — образ сливается с образом России.